

Вчера у Людмилы Касаткиной, одной из талантливых, любимых зрителями актрис российского театра, кино и телевидения, случился юбилей. Впрочем, вторая половина мая на экранах ТВ и в ее родном Центральном театре Российской армии отмечена чествованиями артистки: 21-го и 23-го пройдут премьерные спектакли по пьесе Л.Разумовской «Ваша сестра и пленница», где она исполняет главную роль английской королевы Елизаветы, а 26-го в театре состоится юбилейный вечер. Там будет дан спектакль «Шарады Бродвея», который вот уже пять лет с успехом идет на сцене.

Мы встретились с Людмилой Ивановной вскоре после Дня Победы, и речь, естественно, сразу зашла об этом...

— В июне 41-го я оказалась на каникулах в родной деревне под Вязьмой. Жила у своей бабушки. Не могу забыть воскресный день, когда по деревне на лошади мчался человек и кричал одно-единственное слово: «Война!» Сразу же заплакали, завывали женщины: с их криком в душу проникал ужас. Вскоре начались постоянные бомбежки. По Минскому шоссе шла отступающая Красная Армия. Бабушка собрала мне узелок с хлебом и салом, проводила до леса. С тех пор я ее никогда не видела. 120 километров до Можайска я шла долгих семь дней и ночей. Нас постоянно бомбили, мы прятались в лесах и болотах. Во время первой же бомбежки я потеряла свой узелок. В течение этих семи суток я видела море крови, смерть женщин, детей. Никогда не забуду это страшное зрелище. В Можайске несколько дней не могла сесть в поезд на Москву: на вокзале было столпотворение. Когда наконец в тамбуре кое-как добралась до столицы, узнала, что Вязьма уже взята фашистами.

— Как я понимаю, в военные и первые послевоенные годы и происходило ваше творческое становление?

— Учась в театральном институте, увидела спектакль «Сталинградцы» в постановке талантливейшего Алексея Попова и стала мечтать о работе в Театре армии. И когда 1 августа 1947 года меня приняли в его труппу, была по-настоящему счастлива. Начинала, как положено, в массовках. Однажды в одном из наиболее эмоциональных эпизодов, рассказывающем о переправе на фронте, потеряла сознание, и меня выволакивали со сцены мои коллеги. Уже в первом сезоне сыграла четыре крупные роли, была введена еще в три спектакля. Из ранних своих театральных работ никогда не забуду роль Нилы Снежной из «Барабанщицы» А.Салынского. В ней рассказана подлинная история детдомовки из родной моей Смоленщины, которая делала все, чтобы завоевать доверие оккупантов. А сама была нашей разведчицей и погибла...

— Эта тема стала для вас сквозной, вы вернулись к ней в своих телевизионных работах...

— Действительно, в одной из самых моих любимых ролей, в первом советском многосерийном телефильме «Вызываем огонь на себя», развивается тема подвига девушки в тылу у врага. Моя Аня Морозова и ее подруги тоже живут двойной жизнью, чтоб бороться с фашистами.

тут дело: то ли у драматургов не хватает мастерства, то ли женщины не раскрываются перед ними так же откровенно, как передо мной.

— По моим наблюдениям, вы являетесь особой любимицей наших женщин, причем, кажется, с самого первого фильма, в котором снимались, — с «Укротительницы тигров». Уже скоро лет минуло со дня его появления — тоже юбилей. Не

го сыграл Быков, по их мнению, «больше подходил» мне.

— Может быть, ваша популярность связана с тем, что вы по большей части играли в театре и на экране положительных, даже героических женщин?

— Я не очень понимаю это деление на «положительных» и «отрицательных». Исхожу из совета Станиславского, который любил повторять: играя сильного чело-

первачи: он подал заявление об уходе под натиском парткома театра и по совету сына своего — Андрея Попова. Наконец, в театре сегодня работает не один (как трижды подчеркивается в статье) верный ученик А.Д.Попова В.Зельдин, но и другие: Н.Сазонова, Н.Пастухов, В.Сошальский... Непростительно небрежное отношение к фактам у автора в данном случае соседствует с откровенной тенденциозностью:

— В отличие от многих профессоров, которые особенно обращают внимание на внешность, я высоко ценю голос. Постоянно борюсь со стертой, безликостью сценической речи. Смазливый, но лишенный голосовых данных актер иногда советую при поступлении отправляться во ВГИК: идите туда, говорю им я, там оценят ваши внешние данные, а после съемок всегда смогут озвучить... Еще для меня очень важно разбудить в них эмоциональность. Есть студенты эмоционально-зрячие и эмоционально-глухие. Рассудочное искусство, уверена, никому не нужно. Ну и, конечно, современный актер немислим без серьезного культурного кругозора. Я никогда не ленилась «допрашивать» своих студентов, что они прочитали, что видели в театрах, в кино, что смотрели по ТВ. И когда они в ответ жаловались мне, что в их общежитии на все этажи всего один телевизор, звала их к себе, сажала в этой самой комнате возле телеприемника, поила чаем.

— Ну, это, скорее, напоминает отношения матери со своими детьми...

— Вы можете иронизировать, но для меня семья — это самое главное в жизни человека. Это я усвоила от своих родителей, которые были, казалось бы, не очень грамотные люди, но жили в редкостной любви и согласии. Меня учили: если хорошо твоим близким, то хорошо и тебе. Мы прошли с Сергеем Колосовым вместе долгие годы, счастливые и в жизни, и в нашем искусстве. От этого ощущения вырастают крылья и все ладится.

В чеховской «Душечке» — а это мой самый любимый писатель — идеи семейного счастья выражены так сильно, что, как известно, такой далекий от сантиментов человек, как Лев Толстой, не раз в кругу семьи читал этот рассказ и даже проливал слезы... Поэтому, исполняя главную роль в экранизации «Душечки», я нигде не позволила себе посягнуть на роль своей героини, как это делают некоторые толкователи Чехова.

— Послушав вас, я вдруг подумал, что не случайно ваш юбилей совпал с Международным днем семьи, который в этом году впервые отмечается и в нашей стране.

— Я рада этому совпадению. Еще больше рада, что наконец-то и мы, подобно всему цивилизованному миру, обратили свои взоры к такой ничем не заменимой ценности, как семья. Революция в нашей стране разрушила не только прежний общественный строй, но и семейный уклад. До сих пор, боюсь, мы не осознали до конца, скольких бед нам это стоило. И сейчас нужно сделать все, чтобы как можно быстрее восстановить всегда жившую в нашем народе традицию почитания Семьи, Дома...

Вел беседу
Анри ВАРТАНОВ.

* Людмила Касаткина в спектакле «Шарады Бродвея».

Людмила КАСАТКИНА:

Если хорошо близким, хорошо и мне

Труда. — 1995. — 16 мая. — С. 7.

Готовя эту роль, я по многу раз расспрашивала оставшихся в живых ее товарищей, какой она была. Мне кажется, я сроднилась с нею, проникла в мир ее чувств. Поэтому, наверное, иногда случалось так, что на съемках я предлагала постановщику ленты Сергею Колосову свое решение той или иной сцены. Бывало, мы снимали два дубля — один режиссерский, другой — мой, и в итоге в фильме оказывался тот, на котором настаивала я.

— Какие из других ролей, посвященных минувшей войне, дороги вам?

— Конечно, те, что я сыграла в кинофильмах «Помни имя свое» и «Мать Мария». Как и в «Вызываем огонь на себя», мы взяли подлинные истории реальных женщин. Мы долго искали такие биографии, которые бы воплотили и конкретные судьбы, и характеры — русские по своему духу.

Я проехала со своими фильмами более двадцати стран и скажу с уверенностью: женщин, способных так же умирать в любви, как это делают наши соотечественницы, встречать не приходилось. Для них там все-таки много значат, по-моему, карьера, деньги, которые нередко оттесняют чувства. Я не устану, пока есть силы, рассказывать о россиянках, их богатом внутреннем мире, непостоянной жизненной судьбе. И все равно чувствую себя в долгу перед нашими женщинами. Встречаясь с ними каждодневно после спектаклей и фильмов, на творческих вечерах, просто на улицах, нередко узнаю такие истории, которые, увы, драматичнее многих пьес. Не пойму даже, в чем

помните ли подробности вашей первой встречи с кинематографом?

— Я играла в театре и не могла помышлять о кино, когда получила приглашение на кинопробу. В течение десяти минут, что мы с замечательным мастером Павлом Кадочниковым провели перед камерой, решила судьба моего киноедебюта. Надо сказать, он был счастлив. Мне повезло на партнеров, среди которых были еще и Леонид Быков, Сергей Филиппов, Татьяна Пельцер. Для того чтобы образ моей героини был достовернее, я «зацепилась» за ее одержимую любовь к цирку. Никогда не забываю завета Тургенева о том, что талант — это подробности, не устаю искать какие-то достоверные штрихи характера.

На съемках Кадочников иногда говорил мне, что вот, мол, выйдет фильм на экран и принесет вам известность. Я смеялась. Но после премьеры меня действительно стали узнавать на улицах, мальчишки кричали вслед: «Пигалица идет!» После успеха «Укротительницы тигров» те же сценаристы для нас с Кадочниковым — редкий случай в нашем кино — сочинили новую историю — «Медовый месяц». Снимаясь в нем, я сказала себе: «Стоп, хватит, а то заштампуетесь! Нельзя эксплуатировать удачу».

А сколько писем я стала получать от зрителей! Они на редкость близко к сердцу принимали судьбу моей героини, Леночки Воронцовой. Очень многие всерьез сокрушались, что я связала в фильме свою судьбу с героем Кадочникова: персонаж, которо-

века, ищи, где он слаб. Вспомните мою Марию Захарченко, монархистку и диверсантку из «Операции «Трест». Я исходила из того, что она любит Россию безмерно — не меньше, нежели Аня Морозова. Поэтому, увидев всеобщее горе на похоронах Ленина, была потрясена фанатичной верой народа в вождя и пыталась открыть глаза на это своим единомышленникам-монархистам. И в момент самоубийства она гордо и уверенно произносила, обращаясь к чекистам: «Смотрите, как русские люди умирают за Веру, Царя и Отечество!» При том, что эту подлинную фразу мы выкопали из тома уголовного дела той поры, посвященного «Тресту», — сила, с которой она прозвучала, испугала цензоров, и они потребовали выбросить ее из фильма. Случилось это, уверена, и оттого, что моя героиня не была для меня однозначно «отрицательной».

— А как складываются ваши отношения с критиками?

— Мне интересно не всякое мнение, напечатанное в газете или журнале, а только то, в котором вижу аргументы и профессионализм.

Пользуясь случаем, хочу откровенно выразить свое отношение к опубликованной в уважаемом мною как раз за объективностью «Труде» 6 апреля статье Алексея Филиппова «Сцена оборонного значения», посвященной нашему театру. В ней немало грубых фактических ошибок: автор, к примеру, не знает, что до Алексея Попова главным режиссером у нас был крупный мастер театра Юрий Завадский. Что Алексея Дмитриевича вовсе не «съели актеры»

создается даже впечатление, что ему очень хочется породить в театре атмосферу склоки и зависти. Я, признаться, не упомяну статей, в которых бы критиковались не репертуарная линия или художественные позиции театра, а в с актерский коллектив. И это (стоило бы взявшемуся за перо задуматься) в том театре, где, кроме режиссеров, над актерами еще поставлена администрация в погонах...

— Ну что ж, мы предоставим вам возможность высказать эту вашу точку зрения. А теперь хотел бы спросить о преподавательской работе в ГИТИСе, где вы с Колосовым в течение многих лет с успехом вели актерские курсы. Как вы успевали, имея такую нагрузку в своем театре, постоянно снимаясь в кино и на ТВ, еще заниматься и преподавательским делом?

— Что касается нагрузки, скажу, что с самого раннего детства меня приучали к каждодневному труду. С тех пор я не представляю себе, что такое праздность. Я — максималистка. Мне близки принципы западного воспитания, когда молодые и учатся, и подрабатывают, не кланя у родителей денег на свои расходы. Не давая пощады себе, я, признаюсь, того же требую и от своих учеников. Мой любимый творческий девиз — слова великого русского актера Михаила Щепкина: «Священнодействуй — или уходи вон!» Считаю необходимым воспитывать актеров в строгости, без всякого панибратства.

— А что для вас самое главное в будущем актере?